

ЧЕМ МЫ ГОРДИМСЯ

Ручкопись. – 2006. – 21-27 стр. – с. 14

Души изменчивой приметы

Портрет Александры Струйской кисти Федора Рокотова

В XX веке, не в пример предыдущим столетиям, произведения искусства редко посвящали стиха. Среди этих скупого поэтических строк выделяется стихотворение Николая Заболотного «Любите живопись, поэты...», вдохновенное поистине замечательным портретом Александры Струйской, который создал Федор Рокотов. О женщине, сведшей воедино разные музы двух столетий, и ее живописном изображении в программе «Собрание Третьяковки» на радио «Эхо Москвы» рассказала старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи Наталья ПРЕСНОВА.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва заката в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза, как два тумана...

Многим памятные строки Заболотного. Но кто была эта женщина, изображенная одним из самых загадочных русских художников? Портрет Струйской – безусловно, в числе самых одухотворенных женских образов в русском искусстве XVIII века. Известнейшей среди портретов Рокотова пленяет зрителей необычайной теплотой, особой нежностью и подчеркнутой женственностью.

Александра Петровна Струйская, урожденная Озерова, была второй супругой Николая Еремеевича Струйского, прапорщика в отставке лейб-гвардии Преображенского полка. К слову, она приходилась бабушкой поэту Полежаеву: один из ее сыновей, Леонтий, от дворовой девушки Аграфены Ивановой имел внебрачного ребенка, который вошел в историю под именем Александра Полежаева. Кроме того, Струйская доводилась родственницей П.Х.Обольянинову, в будущем генерал-прокурору и фавориту императора Павла I. Семейство Струйских было чадолюбиво: по одним данным, у них было 18 детей (из них четверо – близнецы), по другим сведениям, 9 детей.

Восторженные воспоминания о героине портрета оставил поэт Иван Михайлович Долгоруков: «Струйская была тверда, благоразумна, осторожна. Она соединяла с самым хорошим смыслом приятные краски городского общежития. Дома, в деревне – строгая хозяйка и мастерица своего дела, в городе – не скряга, напротив, щедра и расточительна. Я признаюсь, что мало женщин знаю таких, о коих обязан бы я был говорить с таким чувством усердия и признательности, как об ней». Портреты супругов Струйских, написанные «в пандан» по случаю свадьбы, были заказаны Рокотову в 1772 году. Это произошло через год после выхода Струйского в отставку и в год постройки дома в Рузаевке – имении, где жила эта семья. На портретах Александре Петровне 18 лет, ее супругу 23 года, тогда же чета уехала в провинцию. Вся история бытования этих портретов

отмечена редкой для произведений той эпохи чертой: они никогда не расставались. Парные портреты Струйских почти до самой революции находились в их родовом гнезде в Пензенской губернии. Село Рузаевка было замечательно тем, что, помимо большого дворца с картинной галереей, там имелись две церкви, огромный парк и знаменитая типография, которой Екатерина II похвалилась перед иностранными посланцами. Прославившись чудачком Николаем Струйским, известный графман, в этой типографии печатал собственные творения. «Влюбясь в стихотворения собственными, издавал их денно и нощно», – писал о нем Долгоруков. Кстати, Николай Струйский служил в Преображенском полку вместе с Яврилием Державиным, который любил подтрунивать над его сочинениями. А в парке располагался павильон с огромным танцевальным залом и зимним садом. Имение славилось, хотя находилось, по сути дела, в глуши. Но уже при внуке Николае Еремеевиче оно пришло в упадок – Михаил Петрович Струйский был вынужден продать его соседнему монастырю. И уже буквально через несколько лет не осталось ни здания, ни усадьбы как таковой. Портреты же хранились до 1901 года у правнучки Струйских – Е.М.Сушковой, которая в минуту жизни трудную была вынуждена продать их Историческому музею. А уже оттуда в 1925 году они попали в Третьяковскую галерею.

Иван Долгоруков, неоднократно посещавший Рузаевку, писал о ее хозяйке: «Все обращение его было дико, одевание странно: он носил с фракком парчовый камзол, подпоясывался розовым кушаком шелковым, обувался в белые чулки, на башмаках носил бантики и длинную повязывал прусскую косу». Долгоруков отмечал, что Струйский, в отличие от своей приятной в манерах жены, был человеком странным и в манере поведения, и в отношении к окружающим: это тип помещика с замашками агрессивного крепостника-самодура. Возможно, его жестокость к крестьянам отчасти объясняется тем, что в Пугачевский бунт он потерял всех родных. По легенде, у него даже была тюрьма для крепостных. Во всяком случае, современники отмечали его жестоко-

сердие, парадоксальным образом сочетавшееся с любовью к искусству и просвещению. Неплохо образованный для своего времени, Струйский знал несколько иностранных языков, имел прекрасную библиотеку, увлекался оптикой. К его чудачествам относили и то, что на самом верху усадебного дворца он устроил кабинет, который назвал Парнасом. Там он любил уединяться, предавался чтению книг и сочинению стихов, запрещая всем заходить в кабинет и не разрешая прислуге убирать, чтобы никто не вторгался в его обитель. Пламенный поклонник Сумарокова, Струйский был и экзальтированным почитателем Екатерины II. Ей он посвятил оду «Эпистола», за что получил от императрицы бриллиантовый перстень в подарок. Узнав о ее смерти, Струйский от переживаний заболел, у него отнялась речь, и он умер. Таким ударом для него стала потеря императрицы, которую он любил едва ли не больше, чем супругу.

Именно Рокотову, одному из талантливейших живописцев России, принадлежит ведущая роль в создании камерного портрета как особой разновидности портретного жанра XVIII века. Здесь мы сталкиваемся с вариантом интимного камерного портрета, где художник стремился не столько отразить социальное положение персонажа и передать внешнее сходство, сколько проникнуть в его внутренний мир. Эта попытка донести «души изменчивой приметы» объясняет, почему глаза Струйской пленяют до сих пор. Знаменитая дымка на этом холсте – особенность живописной техники Рокотова. Лица его персонажей покрыты так называемым золотистым сфумато – своеобразной дымкой, дающей иллюзорное впечатление, что лицо окутано слоем воздуха. А свет использован художником так, что создается эффект подсветки, внутреннего свечения. Возникает ощущение, что и одежда, и аксессуары, и ювелирные украшения, которыми так любил оформлять дамский костюм, – все это загорается и искрится. Еще одна черта его камерных портретов – нейтральный, глубокий фон. Кроме того, у Рокотова собственный авторский почерк: его живописный мазок отличался особой подвижностью и свободой. По выражению одного из исследователей, «он был извилистым до каприза». В движении кисти проявляется темперамент художника, у Рокотова это придает живописи особую осязность и трепетность, что как нельзя лучше выражает нежность, хрупкость, одухотворенность образа. Такая подвижность, переменчивость чувств и сообщает портрету особую загадочность. Иными словами, при создании эмоционального

образа портретист использует все средства художественного выражения, которыми располагал.

Круг моделей мастера достаточно хорошо известен: он «переписал» большую часть просвещенного московского дворянства. Но на его холстах остается много неизвестных, что в целом свойственно русской портретной живописи XVIII века, когда персонажи не определены в силу отсутствия сведений об истории заказа полотен. Не всегда можно проследить провенанс портрета, его биографию. В этом смысле Струйским повезло: мы вполне отчетливо представляем себе их историю. А ведь многие холсты сегодня числятся так: «Портрет неизвестной в темно-красном платье», «Портрет неизвестной в белом». Иными словами, портреты в музеях носят название по костюму изображенного лица. К моменту создания портретов четы Струйских (1772) их автор был уже знаменит. Кстати, не выяснено, где были написаны эти портреты – в самой ли Рузаевке или в Москве. Зато известно, что Струйский неоднократно заказывал Рокотову, почитая его талант, портреты для своей коллекции (помимо собственного и супруги): это «Портрет неизвестного в треуголке» (в настоящее время в экспозиции Третьяковской галереи), «Портрет неизвестного в зеленом кафтане», а также портреты А.П.Сумарокова и Екатерины II – эти три холста теперь находятся в Историческом музее. Первоначально все перечисленные портреты хранились в Рузаевке.

Встреча со Струйским не была для художника случайной: их много связывало, в частности, общее окружение – многочисленные поэты и драматурги. Струйский был единственным из современников, кто оставил о Рокотове отзывы, причем восторженные. Так, в «Письме к господину Академику Рокотову» он в присутствии ему высокопарном стиле обращался к адресату: «Рокотов, достоин ты назван быть по смерти сыном дщери Юпитеровой, ибо в жизни ты ныне от сынов Аполлона уже любимцем тоя именуешься». Более того, заказывая портрет Сумарокова, он пишет о мастерской способности портретиста передать внутренний мир персонажа: «И когда ты, почти играя, ознаменовал только вид лица и остроту зрака его, в той час и пламенная душа его при всей его нежности сердца на оживляемом тобой полотне не утаилась».

«Эхо Москвы», 91,2 FM, по воскресеньям с 14.00. Передачу «Собрание Третьяковки» ведут Ксения Ларина и Ксения Басилашвили.)

ДОСЬЕ

Прославленный при жизни, после смерти Федор Рокотов был забыт почти на целое столетие. Источники сообщают о нем чрезвычайно скупо, современники в мемуарах обходят живописца молчанием. Его произведения заново открыли члены объединения «Мир искусства», показав их на знаменитых выставках 1902 – 1905 годов. Немалая заслуга в возвращении работ и имени Рокотова принадлежит Сергею Дягилеву, который способствовал переоценке его творческого наследия. А первая персональная выставка Рокотова состоялась в 1923 году. Прежде его произведения появлялись на крупных портретных выставках, например на Таврической выставке 1905 года, комиссаром которой был Дягилев. Полотна Рокотова хранятся ныне во многих музеях России, хотя иные так и остаются портретами неизвестных. Первая и последняя монография, посвященная ему, издана в 1957 году, однако в последние десятилетия вышло много статей о художнике. Петербургские и московские исследователи неустанно занимаются Рокотовым – он словно провоцирует на поиски. В биографии мастера ученые нашли много интересных фактов, но также много легенд и загадок – отсюда немало версий и предположений. Даже время рождения художника до сих пор точно не выяснено: прежде исследователи относили его к 1732 году, что было установлено по метрическим книгам церкви Новоспасского монастыря в Москве (Рокотов жил в его приходе). Но сегодня больше оснований считать годом рождения Рокотова 1736-й, во-первых, на основании исповедных книг церкви Никиты Мученика на Старой Басманной улице в Москве, где у Рокотова в 1780-е годы был свой дом, и, во-вторых, на основании архивных документов Петербургского Шляхетного кадетского корпуса, где, как предполагают, Рокотов обучался в 1760-е годы и где указан его возраст.

Общезвестно, что живописец происходил из крепостных князя Репнина. Его рождение и раннее детство связывают с подмосковной усадьбой Репнинских Воронцов. Видимо, с раннего возраста Рокотов приобрел покровителей не только в лице своего владельца – князя П.И.Репнина, но и других аристократов, в частности крупного мецената Ивана Ивановича Шувалова – президента Императорской академии художеств. Есть версия, что именно Шувалов в 1754 году взял с собой Рокотова в Петербург. Хотя сведения о первых его учителях также не уточнены, исследователи предполагают, что Рокотов начинал как живописец в мастерской крепостного художника графов Шереметевых Ивана Петровича Аргунова. Кстати, в то время (в 1753 – 1758 годах) в этой мастерской обучались А.П.Лосенко, в дальнейшем знаменитый исторический живописец, а также будущие педагоги ИАХ К.И.Головачевский и И.С.Саблуков – три бывших «спавших с голода» придворной певческой капеллы, по указанию императрицы Елизаветы Петровны направленные для обучения живописи.

Находясь в Петербурге под покровительством Шувалова, Рокотов получил уроки живописного мастерства в мастерской Пьетро Ротари – известного придворного портретиста. Этот итальянский художник работал в Петербурге на рубеже 1750 – 60-х годов по приглашению императорского двора. Наконец, по указанию Ивана Шувалова в 1760 году Рокотов был принят в Российскую академию художеств и, как указано в старинных источниках, учился «при Лоррене, Лагрене и Фонтбассо», то есть у французских мастеров. В его произведениях сказались традиции итальянской и французской школ портрета XVIII века. Петербургский период творчества Рокотова длился с 1750-х до второй половины 1760-х, в 1765 году он получил звание академика. В отли-

чие от несчастного Ивана Петровича Аргунова, который всю жизнь оставался подневольным, Рокотов получил вольную от князя Репнина. Художник, снискавший славу одного из видных интеллектуалов своей эпохи, портретировал многих деятелей культуры: Сумарокова (по заказу Николая Струйского), поэтов Майкова и Домашнего. Правда, никто из них не оставил о Рокотове воспоминаний, пожалуй, кроме самого Струйского – горячего его поклонника.

На рубеже 1766 – 1767 годов в судьбе Рокотова происходит перелом: он покидает Петербург ради Москвы, которой его творчество посвящено со второй половины 1760-х. Многие исследователи связывают переезд в «старушку Москву» со стремлением Рокотова избавиться от столичной строгости, зависимости от Академии художеств. Пока нет достоверных сведений, объясняющих решение художника, который при дворе писал самых высоких особ и имел прекрасную репутацию (в 1761 году создан «Портрет цесаревича Павла Петровича в детстве», в 1763-м – коронационный портрет императрицы Екатерины II), коренным образом переменить судьбу. Поселившись в Первопрестольной, Рокотов стал именоваться «свободным живописцем», выполнял бесчисленные частные заказы, а порой и поручения Императорской академии художеств. В источниках отмечено, что он имел довольно значимый социальный статус. Но еще в Петербурге он имел свою мастерскую, где обучал живописи многочисленных учеников, назвать имена которых пока невозможно. Ничего нельзя сказать и о семье Рокотова – это пока неизведанная страница его биографии. Однако точно установлено, что прожил он для своего века долго (умер в 1808 году) и длительное время был востребован как живописец – сохранилась целая

галерея созданных им образов. Период его творческого расцвета падает на конец 1760-х – 1780-е годы, а к 1790-м его искусство идет на спад, вероятно, в силу возраста. Во всяком случае, от последнего десятилетия XVIII века до нашего времени произведений Рокотова дошло меньше. По мнению специалистов, сегодня могут обнаружиться не открытые еще холсты Рокотова: возможно, они числятся в списках «работ неизвестных художников» или считаются рококовскими под вопросом, то есть предположительно принадлежат его кисти. Дело будущего – подтвердить, изучить, заново пересмотреть многие произведения. Такова судьба многих творений не только Рокотова, но и других портретистов XVIII века. С течением времени накапливается блок атрибуционных данных, касающихся творчества того или иного художника, его манеры письма. Сравнение сомнительных произведений с бесспорными работами какого-либо автора дает материал для исследования неизведанных его произведений, особенно если такие хранятся в «периферийных» музеях. Собрание Федора Степановича Рокотова в Третьяковской галерее обширно, и в постоянной экспозиции представлены далеко не все его работы, а лишь лучшая часть коллекции. Очень много его произведений хранит Русский музей (Петербург), несколько вещей есть в Историческом музее. В целом же его наследие рассредоточено по многим музеям России. Автопортретов Рокотова, к сожалению, искусствоведами не обнаружено. Да и изображения самого Рокотова чьей-либо другой кисти история не сохранила. А самый ранний холст его работы, как полагают ученые, – «Портрет неизвестного молодого человека», написанный в 1757 году. Он хранится в Третьяковской галерее, и одно время исследователи считали эту работу автопортретом, но позже эту версию отклонили.